

Как-то после окончания семинара Н. А. Сидорова попросила меня остаться. Поскольку мы, участники войны, были уже людьми взрослыми, она обратилась ко мне не официально, а скорее по-товарищески: то ли Павел Васильевич, то ли товарищ Волобуев. Нина Александровна спросила меня: "Если не секрет, не могли бы Вы сказать, какие у Вас виды на дальнейшие занятия историей? Есть ли намерения стать научным работником, вузовским преподавателем? То есть, что собственно привело Вас в университет?" Я ей откровенно сказал, что пока этот вопрос мною не решен и о научной карьере я всерьез как-то не думал. Хотя не скрою, что, присмотревшись к наиболее сильным сокурсникам, убедился, что я не слабее их. Н. А. Сидорова сказала, что не только сама прочитала мою курсовую работу, но и дала ее прочитать заместителю заведующего кафедрой (сейчас, к сожалению, забыл ее фамилию). Ей доклад тоже понравился. "Мне кажется, - заметила Н. А. Сидорова, - что у Вас есть данные для занятий исследовательской работой". Заместитель заведующего кафедрой выразила только сожаление, что я не использовал литературу на латинском, французском и немецком языках. "Я-то понимаю, - продолжала Сидорова, - что Вы не могли этого сделать, но вижу, что Вы использовали всю отечественную литературу, а также переводные работы - и те, что я Вам рекомендовала, и те, что Вы сами нашли. Я бы Вам советовала ориентироваться на аспирантуру, а дальше уж как Бог покажет". Я поблагодарил ее за столь высокую оценку и обещал подумать над ее предложением. Потом, при обсуждении доклада в семинаре Н. А. Сидорова еще раз высоко его оценила.

Затем я стал ждать, что скажет К. В. Базилевич. До сих пор с благодарностью вспоминаю, как внимательно он отнесся к моим занятиям. Достаточно сказать, что два раза он приглашал меня к себе домой, показал свою библиотеку. Он тогда как раз работал над капитальным трудом об Иване III. Константин Васильевич поставил мне пятерку. Эта работа долго была у меня на руках, а вот доклад о Крестовом походе "пошел гулять" по факультету, и знакомые студенты использовали его на следующий год уже в качестве "источника". Да так и не вернули. В начале третьего курса мне сообщили, что моя работа по внешней политике Петра I выдвинута на конкурс по линии Научного студенческого общества. И вот в начале 1948 г. я получил за нее грамоту первой степени. К слову сказать, этот мой доклад затем послужил основой для первой публикации - статьи "Историческая победа русского государства. К 230-летию Ништадтского мирного договора", которая была напечатана в журнале "Пропагандист и агитатор Военно-морского флота СССР" (1951. № 17), правда, почему-то под псевдонимом "В. Карпов". Конечно, текст статьи был основательно сокращен (получилось меньше печатного листа) да и набран пестрым.

Когда мы заканчивали семинар, К. В. Базилевич сказал примерно так: "Некоторым из вас, я думаю, следует определиться - заниматься наукой или нет. Вы люди с жизненным опытом, а для некоторых из вас вырисовывается прямой путь в науку". И указал на меня. После небольших размышлений я решил, что если профессора считают, что я в состоянии заниматься научной работой, то почему бы и не попробовать.

Замечу, что учеба с третьего курса в общем и целом давалась мне сравнительно легко. Все экзамены я сдавал на "отлично". С четвертого курса я стал получать Сталинскую стипендию. (Сталинских стипендиатов на факультете было, если мне не изменяет память, не более 8—10 человек - студентов старших курсов). Мое материальное положение, до того весьма скромное, после этого существенно укрепилось.

Какой же тематикой намеревались Вы заняться? Наверное, сразу встал вопрос и о научном руководителе?

Феодализмом я не собирался заниматься. К истории Гражданской войны непосредственно не хотел тогда обращаться (несмотря на то, что именно рассказы о ней пробудили мой интерес к истории вообще). И вот почему. Я прочитал первый том "Истории Гражданской войны", вышедший в 1935 г., еще будучи у себя на родине. Помню, в первом издании ко всеобщему удивлению был еще портрет Л. Д. Троцкого и других оппозиционеров. Последующие выпуски шли уже без крамольных портретов. А на Троцком и на его "ренегатстве" внимание было заострено особо. "Сталинская школа фальсификаций", говоря словами самого Троцкого, была представлена в первом томе должным образом. Я увидел, что исторически правдивой картины событий Гражданской войны создать нельзя. А так как хотелось все же работать серьезно, то я после некоторых размышлений пришел к выводу, что надо будет заняться проблемами социально-экономической истории России, которые менее политизированы и дают больше простора для научного поиска.

Надо было выбрать научного руководителя. Я посоветовался с членом партбюро, очень толковым, хорошо знавшим преподавательский состав и вообще весь факультет Алексеем Серге-

евичем Кара-Мурзой. Он порекомендовал идти к А. Л. Сидорову (хотя у самого Кара-Мурзы с ним были непростые отношения, но он сказал мне, что если я хочу получить серьезную подготовку, то должен пойти к Аркадию Лавровичу). Я помнил, как он читал нам лекции на третьем курсе и записался к нему в семинар по истории русского империализма. Наш научный руководитель был очень загружен: он был заведующим кафедрой истории СССР истфака МГУ, проректором университета по гуманитарным факультетам и профессором АОН при ЦК КПСС. А вскоре его назначили еще и заместителем директора Института истории Академии наук СССР, возложив на него фактически обязанности директора. Тем не менее семинары он проводил вовремя, по-деловому и творчески. Вот у него я и начал работать.

Был написан семинарский доклад по обобщающей теме "Об особенностях русского империализма". После дискуссии в семинаре Сидоров сказал, что проблема схвачена мною верно, намечены самостоятельные подходы к ее решению, но что это не столько курсовая работа, сколько "резюмация о русском империализме". "Вам надо, - говорил Сидоров, — поработать над стилем. Я знаю Вашу биографию, знаю, что Вы были на партийной работе. Все мы этим газетным стилем «отравлены». Я советую Вам заново перечитать Тургенева, Гончарова, Толстого, а также регулярно ходить в театр. Вы были в Малом театре? Только там сохранился настоящий русский язык, это чуть ли не единственное место, где правильно говорят по-русски, где можно научиться русскому языку. Ходите регулярно, в течение полугода или года, и Вы поправите свой язык".

Я поблагодарил своего научного руководителя и последовал его совету. Перечитал классиков, просмотрел весь репертуар Малого театра. Это оказалось очень полезным делом. Но над стилем я еще работал долго. Лишь к концу 1960-х - началу 1970-х гг., как мне кажется, я стал писать более или менее прилично.

После окончания университета мне предлагали поступить в престижную Высшую дипломатическую школу при МИД СССР (сейчас это Дипломатическая академия), но я отказался, отговорившись в парткоме тем, что у меня характер не дипломатический и колени плохо "гнутся". Затем были предложения пойти на ответственную комсомольскую работу в МГК ВЛКСМ (тоже "неплохое" место, чтобы сделать карьеру), но и их я отклонил. В октябре 1950 г., сдав экзамены, я был зачислен в аспирантуру истфака МГУ, куда меня рекомендовала кафедра истории СССР. Вместе с Сидоровым мы определили и тему кандидатской диссертации "Монополии и топливный голод в России в 1911-1913 гг." Вот так я стал учеником А. Л. Сидорова.

Павел Васильевич, А.Л. Сидоров известен как организатор и руководитель целого направления в исторической науке. Каков, по Вашему мнению, его вклад в исторические исследования? Чем явилась для Вас школа А.Л. Сидорова? Запомнился ли Вам стиль его научного руководства?

Аркадий Лаврович Сидоров действительно создал целое направление в нашей исторической науке. Это была история России периода империализма, т. е. с конца прошлого века и до Октябрьской революции 1917 г. Сам он занимался экономикой в период Первой мировой войны, очень увлекался этой темой, много работал в архивах, иногда привозил огромные папки с найденными там документами и, забывая о теме семинара, рассказывал о новых уникальных материалах. Все это было очень интересно и возбуждало наш интерес к "империалистической" тематике. Тогда Сидоров имел всего несколько учеников. Именно он познакомил меня со своим первым учеником, ныне покойным Георгием Назаровичем Голиковым, написавшим диссертацию и опубликовавшим статью в "Исторических записках" о Демократическом совещании 1917 г. У Сидорова же я познакомился и со вторым его учеником, ныне широко известным ученым и мыслителем Михаилом Яковлевичем Гефтером, которого, увы, тоже нет в живых. Он занимался тогда социально-экономическими проблемами, связанными со становлением и развитием монополистического капитализма в России. Позднее у Сидорова работали Константин Николаевич Тарновский, Арон Яковлевич Аврех, Валентин Алексеевич Емец, Андрей Матвеевич Ан-фимов. При этом большинство учеников Сидорова - это в основном бывшие выпускники Московского университета, хотя у него были и аспиранты в АОН при ЦК КПСС (из них хотелось бы назвать Т. Д. Кручину и рано умершего Д. С. Бабичева) и МГИМО (В. И. Бовыкин).

А. Л. Сидоров требовал от своих учеников следовать исторической правде, добросовестно работать над источниками, быть самостоятельными в своих выводах. Позднее, когда собирались у Аркадия Лавровича, он говорил: "Плох будет тот учитель, который боится, что ученики превзойдут его". Это было его кредо. А ведь не секрет, что далеко не все научные руководители ему следуют. Я могу сказать, что школа Сидорова сделала много и для изучения истории Первой мировой войны. Это, прежде всего, работы самого Сидорова, К. Н. Тарковского и В. А. Еме-

ца (он исследовал внешнюю политику этого периода). Впервые, пожалуй, так глубоко, широко и основательно была изучена деятельность российских монополий в ведущих отраслях промышленности - металлообрабатывающей, металлургической, нефтяной, каменноугольной, машиностроительной и др. Не могу не отдать здесь должное вкладу тогда еще молодых ленинградских историков - учеников Б. А. Романова (его как коллегу и единомышленника высоко ценил Аркадий Лаврович) в разработку проблемы российских монополий и банков. Ныне это академики А. А. Фурсенко, Б. В. Ананьич, член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин и другие видные ученые. С ними у нас наладилось деловое творческое сотрудничество, продолжающееся до сего дня. Позже такие же контакты установились и с другими ленинградскими историками: В. И. Старцевым, О. Н. Знаменским, Г. Л. Соболевым, В. И. Селицким, А. Н. Цамутали, И. П. Лейберовым (ставшим моим другом), Т. М. Китаниной, С. И. Потоловым. Возвращусь, однако, к основной теме нашей беседы.

Встречался я для консультаций с крайне занятым Аркадием Лавровичем довольно редко. Но, как говорится, "не было бы счастья, да несчастье помогло". Дело в том, что, еще будучи студентом пятого курса, я был избран секретарем партийной организации исторического факультета и пробыл в этой должности два с половиной года. По разным вопросам, в основном кадровым, мне приходилось встречаться с Сидоровым как с проректором МГУ. Надо сказать, что здесь наши точки зрения не всегда совпадали. А пополненные бывшими фронтовиками партийные организации играли в те годы серьезную роль. Скажем, декан факультета не мог ни одного крупного вопроса решить без согласия партийного бюро. Аркадий Лаврович подчас допускал в кадровых вопросах самостоятельность и приходилось вступать с ним в споры, а иногда намеченные им кандидатуры отводить. Но Сидоров все-таки был Сидоровым: мы могли с ним поспорить по деловым вопросам, а потом совершенно спокойно обсуждать ту или иную научную проблему.

Из трех лет аспирантуры у меня почти два года ушло на партийную работу. Но партком университета обещал мне, что ректорат продлит мой аспирантский срок еще на год. Обычно так и делали. Я же решил не просить этот дополнительный год. Думал, что интенсивно поработаю и уложусь в трехгодичный срок. Конечно, на протяжении двух лет моей партийной работы (причем я считался освобожденным секретарем) мне кое-что все же удавалось делать и в научном плане: я читал литературу, работал с документами и т. п. Но мне предстояло самое главное - поехать в Ленинград, где находились необходимые мне архивные материалы, а сделать это никак не удавалось. Я съездил туда только после освобождения от должности секретаря парторганизации и основательно, в течение месяца поработал в архиве.

Но написано у меня практически еще ничего не было.

Когда Сидоров вызвал меня к себе, я показал ему, что сделал, рассказал, в каких архивах работал. Хлопнув ладонью по столу, он сказал:

- Молодой человек! С завтрашнего дня я Вам запрещаю появляться и работать в архивах. Все. Садитесь за письменный стол и пишите диссертацию. Если узнаю, что Вы продолжаете работать в архивах, то буду вынужден Вас наказать как заведующий кафедрой.

В итоге я сел за письменный стол и в декабре 1953 г. (а срок аспирантуры у меня кончился в октябре того же года) защитил кандидатскую диссертацию. По предложению Сидорова после непродолжительного собеседования я был оставлен в университете преподавателем и с 1 сентября 1953 г., т. е. еще до защиты, начал вести педагогическую работу на факультете.

Аркадий Лаврович стремился к тому, чтобы его ученики представляли собой коллектив единомышленников, заинтересованных в разработке той проблематики, над которой он сам работал и которую определял как направление, еще почти не разработанное. Эту проблематику можно охарактеризовать как социально-экономические предпосылки революции или как историю монополистического капитализма в России и политики правительства в отношении крупного капитала. Большинство его учеников (К. Н. Тарновский, М. Я. Гефтер, я) занимались социально-экономической проблематикой. Исключение составляли только А. Я. Аврех и Г. Н. Голиков, которые рассматривали различные аспекты политической истории. А. Я. Аврех изучал самодержавную систему и Думу, его интересовал коренной вопрос - способно ли было самодержавие к эволюции и реформам. Правда, каждый из нас понимал (хотя открыто этого и не говорили), что в те сложные послевоенные годы заниматься разработкой таких проблем было очень непросто, ибо не все можно было доверить бумаге.

Я думаю, что школа Сидорова в этом направлении многое успела сделать, и его ученики работали в целом неплохо.

Что касается слабых сторон этой школы, то о них рассуждать сейчас легче, чем несколько десятилетий назад. Мы все верили в сталинские установки, в частности в то, что Россия была полуколонией. Эту формулировку подвергли критике и пересмотру только после XX съезда КПСС. Таким образом, наша методологическая самостоятельность, к которой призывал

А. Л. Сидоров, не выходила за рамки той жестокой идеологической схемы, которую диктовало партийное руководство. Догматизм и некритическое отношение к высказываниям классиков марксизма-ленинизма были непрменными атрибутами той эпохи. Не удалось нам отказаться и от присущего всей нашей тогдашней исторической литературе "разоблачительного" стиля. Даже лучшие работы того же М. Я. Гефтера были направлены на разоблачение русской буржуазии и ее "соглашательского" облика. Честно говоря, в серьезность борьбы русской буржуазии с царизмом мы не очень верили. Я и сейчас считаю, что, несмотря на все усилия современных исследователей предпринимательства "приподнять" значение буржуазии, она как класс была неспособна к серьезному историческому творчеству. Конечно, было и новое поколение, новая генерация буржуазии - Коноваловы, Рябушинские и др., - но они не делали еще погоды. То, что в 1917 г. буржуазия так бездарно проиграла борьбу за власть и не сумела провести необходимые реформы, показывает что капитализм в России еще не был на той "высоте", которая позволила бы ему стать действительной силой в эпоху таких исторических испытаний, как Первая мировая война и российские революции 1917 г.

Таким образом, школа А. Л. Сидорова имела те же слабости и недостатки, что и советская историческая наука в целом, хотя их было, вероятно, все же меньше, чем у других школ. У нас все же был более творческий подход к делу и больше научной самостоятельности. А главное, Аркадий Лаврович приветствовал дискуссии между своими учениками, которые с особой силой развернулись после XX съезда КПСС и нашли отражение в публикациях работ об аграрном строе и особенностях империализма в России. В порядке вещей были и споры учеников с учителем. Поэтому думаю, что школа Сидорова заслуживает в целом высокой оценки в нашей историографии.

Павел Васильевич, хотелось бы услышать и о Вашей работе в отделе науки ЦК КПСС. Что запомнилось? О чем вспоминаете с удовлетворением? О чем жалеете?

В отделе науки ЦК КПСС я проработал с 1 октября 1953 г. до ноября 1955 г., т. е. два с небольшим года. Работать в ЦК я пошел без особых колебаний, и вот почему. Во-первых, не терялась связь с наукой. А во-вторых, мне хотелось посмотреть изнутри, как делается большая политика, как вырабатываются и принимаются решения в верхах, кто нами руководит в ЦК КПСС. Я уже знал районное партийное звено, областное звено, встречался с ответственными работниками центра, приезжавшими к нам в район. И вот теперь мне предоставилась возможность непосредственно заглянуть на главную "политическую кухню" страны, где сохранялся еще сталинский стиль работы и руководства.

За два с лишним года, которые я проработал в этом учреждении, я основательно присмотрелся к этому стилю и разочаровался в деятельности нашего высшего партийно-государственного органа. Мне не понравилось многое. Во-первых, жесткая иерархическая структура центрального аппарата: отделы, сектора, инструкторы (последние - главная рабочая сила). Сталин использовал этот аппарат, зажав его в своих руках через Г. М. Маленкова и других секретарей ЦК, в своих интересах. При Хрущеве начался перекос в другую сторону, поскольку руководство ЦК слишком доверилось этому аппарату, ответственные работники которого, умело используя сосредоточенную в их руках ценную информацию, могли навязывать свои суждения даже секретарям ЦК. А информация - это великая сила, хотя Хрущев получал информацию и из других источников. Не секрет, что при Л. И. Брежневем аппарат вообще руководил секретарями ЦК, особенно через их помощников.

Во-вторых, внутрипартийной демократией в аппарате ЦК и не пахло, хотя с приходом после смерти Сталина нового руководства был поставлен вопрос о демократизации общественной и партийной жизни страны. Освоившись в ЦК, я выступил раза два-три с критическими замечаниями на партийных собраниях отдела. Но вскоре заметил, что руководству это не очень понравилось.

Один пример. Два года назад я получил письмо от своего старого товарища доктора биологических наук А. М. Смирнова, бывшего коллеги по работе в ЦК (он работал в секторе биологии). Смирнов вспоминал о тех временах, когда обсуждался вопрос о Лысенко (одно время, после смерти Сталина, позиции Лысенко немного пошатнулись, но потом Хрущев его опять поддержал). В отделе науки работали несколько кураторов биологической науки, из которых двое довольно трезво оценивали ситуацию и характеризовали Лысенко как шарлатана и неуча, советуя побыстрее от него избавиться, так как пропадают и генетика, и целые направления сельскохозяйственной науки (агробиология и т. д.). И вот на одном из партийных собраний, на котором А. М. Смирнов остро критиковал Лысенко, я открыто поддержал своего товарища. У меня были серьезные основания для такого выступления, поскольку я считал, что всякая монополия, в

том числе и в науке (а Лысенко был тогда монополистом в области биологии), ведет к загниванию. Напомнил и о своем личном опыте практической работы в сельском хозяйстве. В 1944 г. пришла директива (кажется, за подписью Сталина и Маленкова) о том, чтобы использовать метод Лысенко для осеннего сева по стерне (т. е. не вспахивая поля). Мы тогда все ахнули, так как прекрасно понимали, что это просто уничтожение семенного зерна: ведь урожай на таких полях будет от силы сам-3, сам-4. Поколебавшись, рискнули все же нарушить этот приказ, благо я был уполномоченным РК партии и райисполкома в отдаленном от райцентра месте. В итоге, если позволяли запасы горючего, мы сначала перепаживали поле, а потом уже сеяли. На партийном собрании в ЦК КПСС я сказал, что Лысенко принес вред не только науке, но и сельскому хозяйству.

Скажу честно, уже через год я ходил на работу в ЦК без всякого энтузиазма. Позднее, подводя итоги своей работе в ЦК КПСС, я разделил их на позитивные и негативные. К позитиву отношу, в частности, участие в подготовке тезисов ЦК КПСС о 300-летию воссоединения Украины и России. (Над этим важным документом работала группа российских и украинских историков и партработников.) В связи с нынешними спорами о судьбе Крыма должен сказать, что для нас, работников отдела науки, явилась полной неожиданностью передача Н. С. Хрущевым Крыма Украине, осуществленная в 1954 г. Обычно все документы и доклады для Хрущева и других руководящих деятелей готовились нами и проходили через ЦК, и мы, конечно, знали бы о том, что такое решение готовится. Однако на этот раз мы узнали о случившемся уже постфактум, из сообщений радио. Лишь в последние годы стало известно, что Хрущев поднимал этот вопрос еще во времена Сталина, но последний не дал "добро" на передачу Крыма Украине. Очевидно, в 1954 г. Хрущев решил этот вопрос единолично, причем ошибочно даже для того времени.

Из других крупных вопросов заново себе в актив большую работу по письму, поступившему в 1954 г. от профессора В. Н. Скалона из Иркутска, в котором говорилось о бедственном положении малых народов Севера. В письме, в частности, отмечалось, что если до войны этим народам все же оказывали какую-то помощь, то в послевоенное время о них напрочь забыли и центральные, и местные власти, и они стали, по сути дела, вымирать. Я занялся всерьез этим вопросом: ездил в Ленинскую библиотеку, изучал там справочную и научную литературу, побывал в соответствующих институтах, встречался со специалистами.

Вероятно, на мою неформально-чиновничью позицию повлияли запомнившиеся с университетских времен рассказы моего сокурсника, ныне крупного ученого-этнографа С. И. Вайнштейна о бедственном положении небольшого народа - кетов. За попытку привлечь общественное внимание к их бедам ему здорово влетело в 1948 г. (Вайнштейна исключили из комсомола, и даже ставился вопрос об отчислении из МГУ.)

Собрав большой материал, я подготовил аналитическую записку со своими предложениями. Руководство отдела одобрило мой материал. Эта записка попала к Хрущеву, он очень встревожился и дал указание Совету министров РСФСР заняться этим вопросом. Именно тогда было принято первое послевоенное постановление об улучшении жизни, быта и о помощи малым народам Севера. Сделано, конечно, было, как всегда, не очень много, но тем не менее какой-то сдвиг наметился. Потом были еще и постановления союзного правительства. Мне же за эту записку была объявлена благодарность.

Удавалось мне, хотя, к сожалению, не всегда, помогать и попавшим в беду людям. Доискаться справедливости тогда в ЦК было трудно. Как пример вспоминается дело нашего крупного дипломата и ученого, который был одно время послом в Италии, Б. Е. Штейна. Он попал под каток кампании по борьбе с космополитизмом. Его выгнали из МИД и не брали нигде на работу. А человек этот был из того поколения, которое не имело особых накоплений. Его письмо в ЦК КПСС попало ко мне с резолюцией "Разобраться". Я о Штейне немного знал, но решил дополнительно навести необходимые справки, пригласил его к себе, поговорил и подготовил записку о том, что его увольнение - вопиющая несправедливость, что надо или восстановить его на работу, или использовать как научного сотрудника. Заместитель заведующего отделом И. А. Хлябич, прочитав записку, сказал, что секретарь ЦК этим вопросом заниматься не будет и что мне надо заняться им самому. "А мою поддержку, - продолжал Хлябич, - ты всегда получишь. Правда, пишешь ты чересчур резко. Ведь не один он пострадал". Но и после моего вмешательства Штейна не сразу взяли на работу. Пришлось нажимать, сославшись на поручение секретаря ЦК КПСС, и только после этого Штейна удалось устроить в один из московских вузов.

Нередко приходилось помогать ученым-историкам издать свои книги, поскольку наши издательства в те времена были сверхбдительны в отношении возможной "крамолы".

Работа в аппарате ЦК КПСС имела тот плюс, что в известной мере расширяла доступ к информации, неизвестной широким кругам коммунистов и научной общественности. Так, нам зачитывали стенограмму пленума ЦК КПСС по делу Берии (мурашки бегали по спине, когда слу-

шал тексты выступлений практически всех членов политбюро на этом пленуме, хотя они сказали только малую толику правды). Таким образом, я имел гораздо больше возможностей еще до XX съезда КПСС вникнуть в суть сталинизма, что естественно, не могло не сказаться и на моем восприятии личности самого Сталина.

Павел Васильевич, несколько лет назад в журнале "Отечественные архивы" прошла публикация документов, связанных с судьбой журнала "Вопросы истории", его редактора академика А. М. Панкратовой и Э. Н. Бурджалова, да и вообще с состоянием и развитием исторической науки в 50-е годы. В этих документах часто упоминалось и Ваше имя. Упоминаетесь Вы и в исследовательских работах последних лет, посвященных этим сюжетам. Но современные историки толкуют Ваше участие в судьбе журнала каждый по-своему. Не могли бы Вы прояснить ситуацию?

Дело в том, что в 1954 г. на меня было возложено курирование работы журнала "Вопросы истории", главным редактором которого была член ЦК КПСС академик А. М. Панкратова, а ее заместителем - Э. Н. Бурджалов. Они тогда взяли курс на изменение проблематики журнала, на критику культа личности Сталина, хотя официальных партийных документов на этот счет еще не было. Став куратором, я сотрудничал на первых порах с Анатолием Сергеевичем Черняевым (он потом был переведен в международный отдел ЦК, а затем семь лет работал помощником М. С. Горбачева по международным делам). Мы столкнулись с пачками писем, поступавших в ЦК, с критикой журнала "Вопросы истории" и особенно одной статьи Бурджалова, в которой он якобы пытался реабилитировать Каменева и Троцкого, а точнее их позицию в 1917 г. Я доложил о сложившейся ситуации заведующему сектором отдела А. В. Лихолату, сказав, что мне надо бы разобраться в проблеме и поработать в библиотеке. Именно тогда, в библиотеке Института марксизма-ленинизма я впервые получил возможность прочитать сочинения Л. Д. Троцкого. Конечно, я читал и раньше некоторые его статьи, которые печатались в периодической печати в 20-х гг., откуда их по непонятным причинам еще не успели выдрать. Но они не давали полного представления о взглядах Троцкого и других оппонентов Сталина.

Я попал в очень сложное положение. Работая в ЦК, как уже говорилось, я получал информацию, которая помогала мне более адекватно воспринимать важнейшие процессы, происходившие в нашей стране. Не работая там, наверное, пришел бы к осмыслению реалий советской действительности гораздо позже. Но, с другой стороны, являясь работником ЦК, я обязан был выполнять директивы своего руководства, а оно стояло на охранительно-консервативных позициях. Таким образом, мое служебное положение диктовало мне определенную тактику поведения и границы моего "вольномыслия", явно ограничивая возможности пересмотра моих догматически-простаалинских взглядов.

Скажу честно: к позиции А. М. Панкратовой и Э. Н. Бурджалова мы с А. С. Черняевым отнеслись тогда довольно настороженно и без особого сочувствия.

К тому же еще за год до описываемых событий мы слушали выступления Э. Н. Бурджалова (он был заведующим лекторской группой ЦК КПСС и прекрасным оратором) и А. М. Панкратовой о последней работе Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР". Большого восхищения ею, чем у них, трудно было придумать. А уже через полгода-год мы читаем в "Вопросах истории" нечто прямо противоположное. Естественно, напрашивался вопрос: когда же они в конце концов говорили правду?

Наша с Черняевым записка о положении дел в журнале "Вопросы истории" получилась достаточно критической (особенно по отношению к ряду материалов), но предложения были весьма скромными - провести совещание в отделе науки ЦК с участием ответственных работников журнала и представителей научной общественности. На отдел науки и, в частности, на Лихолата, Хлябича, а отчасти и на меня нажимали из Института марксизма-ленинизма и из Академии общественных наук при ЦК КПСС. Противники Панкратовой и Бурджалова приходили в ЦК и резко критиковали их позицию. Приглашал я и тех, кто поддерживал редакцию "Вопросов истории", но таких было мало. Причем многие, приходя в ЦК, говорили одно, а в кулуарах - совсем другое, т. е. вели себя не совсем честно, непринципиально.

А. М. Панкратова, став членом ЦК, хотела вывести свой журнал из-под контроля отдела науки, и это было очень заметно. После того так она прочитала нашу записку и предложения (заведующий отделом науки А. М. Румянцев ее с нашим материалом познакомил), она "взорвалась" и заявила примерно следующее: "Это совещание не нужно. Если вам надо, то вызовите меня в ЦК, я вам и вашим инструкторам расскажу, что мы делаем, если вы не знаете!"

Конечно, и я кое-что не учел. Настроения в обществе поворачивались в сторону критики культа личности Сталина (хотя XX съезд еще был впереди), и мне надо было бы соображать по-

живее. Черняев от этого дела вообще отошел. Румянцев же сказал в беседе со мной (после встречи с Панкратовой), что все надо смягчить, записку переделать и т. д. Я ответил: "Алексей Матвеевич, Ваше указание, конечно, будет выполнено. Мы еще дополнительно изучим вопрос, но боюсь, что оценки останутся прежними. Ведь не мы их выдумали, они идут от партийных учреждений и многих ученых". Замечу, что прежнего пиетета в отношении Института марксизма-ленинизма и Академии общественных наук у меня тогда уже не было. Наоборот, я убедился, что это очаги догматизма и консерватизма. Но и сам я тогда еще не вполне освободился от этих качеств.

В опубликованных материалах по этому вопросу (см. "Отечественные архивы". 1992 № 3 и 4) содержится много упреков в мой адрес. Там особо подчеркивается, что Волобуев не хотел менять свою позицию и настаивал на неправильных и резких оценках работы журнала "Вопросы истории". Явно не понравилось А. М. Румянцеву и то, что я осмелился возражать ему (перечить руководству в ЦК, мягко говоря, было не принято). Перечитывая недавно опубликованные в "Отечественных архивах" материалы, я не мог удержаться от восклицания: "Какие же мы все, в том числе и я, были тогда дремучие догматики!"

Кончилось дело тем, что я оценил свою работу как бесполезную и даже написал письмо на имя Н. С. Хрущева, в котором критиковал деятельность отдела науки. Румянцев заболел, а перед уходом из ЦК сказал мне: "Товарищ Волобуев, вероятно, мы с Вами не сработаемся". Я ему ответил, что за работу в ЦК не держусь. На том разговор и кончился. Я проработал еще месяца три или четыре (уже при другом заведующем отделом), а затем, встретившись со своим прямым начальством, объяснил сложившуюся ситуацию, и мне предложили перейти на другую работу.

Свою критическую позицию в отношении руководства журнала "Вопросы истории" я давно уже занес в негатив своей цеховской работы. Однако с тем, как трактуется этот эпизод в некоторых историографических исследованиях, я не согласен. Так, в статьях В. В. Поликарпова и Ю. Н. Афанасьева в книге "Россия. XX век. Советская историография" (М., 1996) встречается утверждение, будто бы я был одним из авторов разгромного постановления ЦК КПСС по журналу "Вопросы истории", принятому в марте 1957 г. Но как я мог быть его автором, если уже с ноября 1955 г. работал в Институте истории АН СССР? Добавлю, что к 1957 г. я уже далеко продвинулся в пересмотре своих взглядов на Сталина и сталинизм.

В статье Афанасьева говорится также, будто я был назначен в 1968 г. на пост директора Института истории СССР АН СССР как работник отдела науки и по рекомендации СП. Трапезникова. Обычно я не оправдываюсь по поводу тех или иных историографических "неточностей" в отношении себя, но тут решил позвонить столь авторитетному автору: "Юрий Николаевич, что же Вы пишете явную неправду! Вы же ведь прекрасно знаете мое отношение к Трапезникову, знаете об его отношении ко мне и к новому направлению. И я вовсе не был его ставленником. Ведь в Институте истории, прежде чем стать директором, я проработал больше 10 лет научным сотрудником, заведующим сектором и заместителем директора".

Таким образом, к постановлению ЦК от марта 1957 г. ни я, ни А. С. Черняев не имели прямого отношения. Позднее поинтересовался у Черняева, почему нас считают чуть ли не соавторами этого документа. Хорошо помню его ответ: дело скорее всего в том, что материалы, которые мы собирали по этому вопросу, А. В. Лихолат отдал потом той группе из отдела пропаганды ЦК, которая и готовила постановление 1957 г. о журнале "Вопросы истории". Между тем сейчас в своих весьма интересных и содержательных мемуарах "Моя жизнь и мое время" (с. 223) А. С. Черняев явно наговаривает и на себя, и на меня, когда пишет о нашем участии в разгроме журнала "Вопросы истории".

Справедливости ради хочу сказать, что с Э. Н. Бурджаловым у нас установились в Институте истории вполне лояльные отношения, а взгляды на проблемы российской революции 1917 г., особенно Февральской, по существу совпадали. Более того, мне пришлось взять Бурджалова под защиту, когда его докторская диссертация проходила через ВАК и прежние недоброжелатели едва ее не "завалили".

После ухода из ЦК КПСС Вы по сути дела должны были начать новый этап своей жизни. И снова встал вопрос: где работать?

Когда я в конце 1955 г. ушел (или точнее "меня ушли") из ЦК КПСС, то передо мной действительно встал вопрос: куда идти? Можно было вернуться на исторический факультет МГУ (где я начал преподавать в 1953 г. и хотел продолжать эту работу по совместительству, но не получил разрешения руководства отдела науки) или перейти в Институт истории АН СССР, директором которого в то время стал А. Л. Сидоров. В МГУ мне, конечно, было вернуться проще, меня там 112

все знали, но была и грозная опасность: меня там могли опять "запрячь" в общественную работу, и я бы не смог всерьез заняться наукой.

Было еще несколько предложений, в том числе предложение поехать в Париж и поработать в комиссии ЮНЕСКО по историческим памятникам. На беседе в ЦК КПСС в присутствии представителей Министерства культуры и МИД СССР я сказал, что не знаю французского языка. Мне пообещали дать на полгода учителя, с тем чтобы потом я доучился в Париже. Однако я отказался, твердо решив заняться научной работой.

Когда мы вышли из кабинета, работник управления кадров Министерства культуры не без удивления сказал:

-Что же Вы, Павел Васильевич, от такой работы отказываетесь! Во-первых, Париж; во-вторых, оплата; в-третьих, весь мир бы объездили, изучая памятники!

Со своей стороны я поинтересовался, что заставило Министерство культуры обратиться ко мне.

- Ну, если между нами, - ответил мой собеседник, - то Ваш предшественник, который отработал там 7 лет и которого мы отзывали, не вернулся, стал невозвращенцем. И нам нужен надежный человек. Даже если бы и Вы остались, то мы бы в ЦК сказали, что это же Ваш ответственный работник.

Предлагали мне поехать на различные партийные должности в Рязанскую, Тюменскую и Томскую области, но я отказался.

И здесь на помощь снова пришел Ваш учитель А.Л. Сидоров?

Да, Аркадий Лаврович посоветовал мне начать работать в Институте истории и даже сказал: "Вы будете за моей спиной". Он предлагал подумать о разработке темы "Промышленный подъем в России перед Первой мировой войной". Сказал, что есть и другие планы: в связи с 40-летним юбилеем революции Институт будет издавать 10-12 томов документов по истории Октября (потом мы с Д. К. Желестовым в журнале "Коммунист" опубликовали рецензию на это многотомное издание). "Но прежде всего я хотел бы Вас и других своих учеников, - сказал Сидоров, - использовать для подготовки публикации документов об экономическом положении России накануне Октябрьской революции. Эта работа (а Сидоров это знал по своему опыту, так как писал в то время книгу о финансовом положении России в годы Первой мировой войны - П. В.) требует исследовательского подхода. В общем, - заключил Аркадий Лаврович, — соглашайтесь, и пусть Вас там не соблазняют партийной работой".

Я попросил некоторое время для размышлений, а потом позвонил и спросил, когда можно будет приступить к работе. Президиум АН СССР направил меня в Институт истории. Я пошел работать в сектор, который прежде возглавлял академик Н. М. Дружинин, а после его ухода с этого поста - доктор исторических наук Л. М. Иванов.

В. А. Емец, А. М. Анфимов и я засели в московских и ленинградских архивах, собирая материалы об экономическом положении России в 1917 г. - документы Временного правительства, предпринимательских и рабочих организаций, банков. В подборе архивных документов нам очень помог Л. Е. Шепелев - тогда ответственный работник ЦГИАЛ, а в дальнейшем видный ученый-историк. Первые два тома сборника были подготовлены в кратчайший срок и изданы в 1957 г. (третий вышел в свет в 1967 г.). Я написал для сборника обширное предисловие, а вместе с другими составителями - комментарии к документам. Эта работа подсказала мне и тему монографии "Экономическая политика Временного правительства". Смущало лишь то, что еще в 1928 г. появилась небольшая (листов 8-10) книжка З. Лозинского с таким же названием. Когда я поделился своими сомнениями с А. Л. Сидоровым, он сказал, что подобная ситуация в науке не редкость. Кроме того, в моей книге будут использованы такие источники, о которых Лозинский даже не знал.

В 1962 г. моя монография увидела свет, а в мае 1963 г. на Ученом совете истфака МГУ я защитил по ней докторскую диссертацию. Защита сопровождалась дискуссией, в которой приняли участие около десятка ученых. Спор разгорелся, в частности, вокруг поставленного неофициальным оппонентом С. М. Дубровским вопроса о правомерности повторения названия книги Лозинского и о "заимствовании" некоторых его идей. Вторично выступивший первый официальный оппонент академик И. И. Минц решительно и аргументированно поддержал меня, показав несостоятельность обоих обвинений Дубровского. Ученый совет проголосовал единодушно "за". Не стал бы вспоминать об этом казусе, если бы не одно обстоятельство: спустя почти десять лет после защиты некоторые "борцы" с новым направлением поставили перед ВАК вопрос о лишении меня ученой степени доктора исторических наук. Из архива было извлечено мое диссертационное дело, однако из этой затеи ничего не вышло. Но уж коль скоро дело дошло до

такого рода воспоминаний, не могу не поведать читателю, что и другие ученые звания дались мне нелегко. Так, в члены-корреспонденты АН СССР я в первый раз был выдвинут Ученым советом Института истории еще в 1968 г. и на выборах лидировал (мне не хватало всего одного-двух голосов). Перед вторым туром в Отделение истории приехал А. М. Румянцев, ставший к тому времени вице-президентом Академии наук, и предложил, сославшись на договоренность с С. П. Трапезниковым, повременить с моим избранием, а избрать членом-корреспондентом АН СССР директора Института военной истории П. А. Жилина, хотя он проигрывал мне не менее четырех голосов. Мне же Румянцев обещал свою поддержку на следующих выборах через два года. Несмотря на деловые возражения академиков Б. А. Рыбакова и Б. Г. Гафурова, богобоязненное большинство членов Отделения пересмотрело свою точку зрения и поддержало предложение Румянцева. Через 2 года, уже без его участия, я был избран членом-корреспондентом АН СССР. Перед общим собранием академии, на котором должны были утверждаться результаты выборов по Отделениям, в фойе Дома ученых меня разыскал декан истфака МГУ член-корреспондент АН СССР А. В. Арциховский и доверительно сообщил, что его сосед по дому, академик-естественник, показал ему подметное письмо с призывом не голосовать за Волобуева, так как он якобы является ставленником Б. А. Рыбакова и заведующего отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезникова - фигуры в высшей степени одиозной. Знакомый мне академик из Отделения по естественным наукам подтвердил, что и он получил такую же листовку. Но пасквили не помог, и общее собрание Академии подтвердило мое избрание. Вскоре я узнал и имена авторов пасквиля, но мстительность не в моем характере. Лишь через двадцать лет (многих пугала моя "ревизионистская" репутация), я был избран академиком, причем и этот почтенный срок не является пределом пребывания в академическом "резерве". Хочу быть правильно понятым: добиваясь избрания в члены Академии, я не считал и не считаю себя более достойным и талантливым, чем другие. Я знаю нескольких ученых-историков, вполне достойных избрания в академики. Некоторых из них я выдвигал и поддерживал на выборах, но безуспешно. Как видите, путь "вперед и вверх" в науке не свободен, мягко говоря, от интриг и псевдокомедий.

В жизни человека обязательно есть период, который можно считать лучшим, "золотым". А у Вас?

Лучшими я считаю те десять лет, которые я проработал в секторе истории СССР периода капитализма в должности старшего научного сотрудника с конца 1955 до начала 1966 гг., когда меня назначили заведующим сектором по написанию многотомной истории СССР, где я затем проработал почти три года. За это время я написал две монографии, много статей, публиковал архивные документы. В общем много работал.

Сектор капитализма был тем научным сообществом, где я себя прекрасно чувствовал, а в научном плане "рос не по дням, а по часам". В нем тогда работали такие ученые как А. Л. Сидоров (который по состоянию здоровья ушел с поста директора), Н. М. Дружинин, Б. П. Козьмин, Л. М. Иванов, В. К. Яцунский, М. В. Нечкина, П. Г. Рындзюнский, М. К. Рожкова, А. С. Нифонтов, В. Д. Мочалов, А. В. Фадеев. Интересной личностью был С. М. Дубровский, вернувшийся в науку после почти 18-летней ссылки и вновь занявшийся аграрной проблематикой. С ним мне приходилось не раз остро полемизировать, так как и он, и ему подобные, несмотря на "школу" ГУЛага, продолжали вести дискуссии в духе сталинских времен с навешиванием ярлыков, обвинениями в возрождении взглядов "правых" или "левых" партийных оппозиционеров и т. д. Позднее в сектор пришли М. Я. Гефтер, К. Н. Тарновский, А. М. Анфимов, М. С. Симонова, А. Я. Аврех и самый молодой тогда С. В. Тютюкин. Нам, молодым ученым, было у кого учиться, и эта школа для меня не прошла даром. Вместе с тем мы и сами были не робкого десятка и, зная предмет, смело вступали в дискуссии с нашими старшими коллегами. Особенно этим отличался А. Я. Аврех, который, можно сказать, не признавал никаких авторитетов, основанных на должностях или ученых званиях.

В первый год существования Института истории СССР (Институт истории был разделен решением ЦК КПСС на два института - истории СССР и всеобщей истории - в августе 1968 г.) директором был академик Б. А. Рыбаков, а я его заместителем. Б. А. Рыбакова я знал еще по работе в университете, где он был деканом истфака, а я - секретарем партбюро. Потом Б. А. Рыбаков полтора года работал проректором МГУ по гуманитарным факультетам, постоянно мечтая вернуться в Институт археологии АН СССР. Мне же довелось стать его преемником на посту директора Института истории СССР.

Мой ответ на вопрос о "золотом периоде" был бы неполным, если бы я не поведал читателям о моей первой зарубежной командировке и участии в международном конгрессе историков в Вене в 1965 г. С благодарностью вспоминаю о настойчивости, с которой убеждала меня

Е. А. Дудзинская дала согласие на командировку на Кубу для чтения лекций по истории СССР в Гаванском университете (отпугивал чрезмерно большой объем необходимой подготовительной работы). На Кубе я пробыл 4 месяца - с 1 декабря 1964 г. по 1 апреля 1965 г., став, как шутили в секторе, "нашим человеком в Гаване". Первое, что меня удивило, так это то, что кубинцы просили прочитать курс лекций с XVI в. и до конца 1964 г., точнее до отставки Н. С. Хрущева. Почему именно с XVI в. ? Да в основном потому, что историю своей страны кубинские историки тоже начинали с XVI в. Не представлял я в полной мере и масштабов незнания кубинцами истории России хотя бы в рамках всемирной истории. Например, первые упоминания о нашей стране почему-то связывались у них с "войной за испанское наследство" (1701-1713 гг.), в которой Россия вообще не участвовала. Несколько фраз в учебниках по истории отводилось России в период Первой мировой войны и русских революций 1917 г. Интерпретация Второй мировой войны давалась в духе американских историков. Как-то после очередной лекции я спросил у одного из студентов: "А кто победил во Второй мировой войне?" Ответ был: "Северная Америка". На мою просьбу уточнить, кто кого победил - СССР Германию или Германия СССР, последовал вполне логичный ответ: "Раз на Кубе русские, а не немцы, значит, победили вы".

Мой курс лекций по истории Советского Союза на историческом факультете Гаванского университета, а затем цикл лекций по узловым проблемам нашей истории для широкой общественности были первыми, прочитанными на Кубе советским профессором. Интерес к истории нашей страны был огромным и неподдельным. В перерывах и после лекций меня окружала толпа слушателей, и начинались горячие дискуссии о причинах снятия с постов Н. С. Хрущева, о Сталине, о революциях 1917 г. Донимали меня вопросами о Л. Д. Троцком, о котором кубинцы были наслышаны, а некоторые и читали его работы. Несколько обобщающих лекций я прочитал и в университете г. Сантьяго-де-Куба.

В Гаване и Сантьяго я встретил нескольких советских испанцев, выпускников истфака МГУ, работавших на Кубе советниками, преподавателями и т. п. Незабываемое впечатление произвела автомобильная поездка от Гаваны до Сантьяго, которую мы совершили с Л. Е. Слезкиным - крупным американистом и замечательным товарищем, который очень помог мне знанием испанского языка. Поражали тропические красоты Кубы и люди "Острова Свободы", переживавшие тогда эйфорию после недавней победы революции. Побывали мы и в тех местах, где были партизанские базы барбудос во главе с Фиделем Кастро. Видели ощутимые результаты революции и послереволюционные трудности, о чем было немало разговоров с кубинскими коллегами.

Важным событием в своей научной жизни считаю участие в работе XII Международного конгресса исторических наук, состоявшегося в августе 1965 г. в Вене. Образно говоря, для меня это был первый выход на международную научную арену. На конгрессе я выступил с докладом "Экономические и социальные проблемы Первой мировой войны", подготовленным А. Л. Сидоровым, В. И. Бовыкиным и мною. Но главное заключалось в установлении личных контактов с зарубежными учеными. В Вене не обошлось и без неожиданной встречи. На приеме у бургомистра австрийской столицы я познакомился с одним немецким ученым моего возраста. Разговорились и были поражены: оказывается, мы оба воевали в 1942 г. на Волховском фронте, но, разумеется, по разным его сторонам. Немецкий коллега (к сожалению, его фамилию я забыл) не без оснований сказал, что нам обоим повезло: мы не застрелили друг друга (он был минометчик). В знак согласия я пожал ему руку.

На последующие три конгресса я не был допущен как невыездной, но на XVII конгрессе в Мадриде в 1990 г. выступал с докладом "Революции XX века: общее и особенное". Оживленная полемика, развернувшаяся вокруг моего доклада, показала необходимость отказа как от апологетики революций, так и от недооценки их роли в историческом процессе. На том же конгрессе я был избран президентом Международной комиссии по истории Октябрьской революции. Здесь нет возможности рассказать об участии в других международных конференциях и симпозиумах. Отмечу только, что на своем небольшом опыте я убедился в плодотворности международного сотрудничества историков.

А как Вы относились к научно-организационной работе?

Научно-организационная работа отличается тем, что, занимаясь ею, можно принести либо большую пользу, либо большой вред. В качестве директора я всегда прислушивался к настроениям общественности и учитывал ее мнение. К этому времени еще не отгремели отзвуки битвы парткома Института истории, который возглавляли В. П. Данилов и К. Н. Тарновский, с отделом науки ЦК КПСС. Партком, как известно, выступил со своим знаменитым докладом о состоянии советской исторической науки и задачах Института истории. Потом институт сотрясало "дело Некрича", исключенного КПК при ЦК КПСС из партии за книгу "1941. 22 июня". Я целиком

разделял взгляды авторов парткомовского доклада, считал неправильным вмешательство КПК в дела исторической науки и, естественно, исключение А. М. Некрича из партии. Став директором, я стремился к тому, чтобы повернуть исследовательскую работу от узкой социально-экономической проблематики в сторону политической истории, добивался того, чтобы наши исторические исследования были более правдивыми. Откровенно скажу, что в отношении истории советского периода я сильно сомневался в том, что настало время, когда здесь можно сделать что-то серьезное. Но я старался укрепить ряд советских секторов за счет специалистов в области истории капитализма и феодализма, которые уже прошли серьезную выучку и могли бы вырасти в крупных ученых.

Пользуясь своими связями в Моссовете я проделал немалую и, думаю, полезную работу по укреплению Института молодыми перспективными кадрами. Среди них были иногородние аспиранты В. В. Шелохаев, П. Н. Зырянов, Н. Ф. Бугай, без которых сейчас трудно представить отечественную историческую науку. Привлекал и молодых ученых с периферии: В. В. Журавлева из Тамбова, Н. Е. Бекмаханову из Алма-Аты, О. В. Волобуева из Симферополя. Смешно, но факт: когда занявший после меня пост директора А. Л. Нарочницкий начал борьбу с "волобуевщиной", моему однофамильцу пришлось уйти из института. Ушел также заведующий сектором источниковедения, видный и, пожалуй, в последние годы один из самых читаемых историков Н. И. Павленко (книги о Петре I и его соратниках), а также Л. В. Милов.

К сожалению, я не успел оформить в Моссовете московскую прописку еще одной группе ученых, среди которых были недавно умерший С. Г. Агаджанов и И. А. Тертышный. Когда меня сняли с работы, список этих потенциальных сотрудников института был отозван из Моссовета по звонку моего бывшего заместителя В. И. Бовыкина, сказавшего, что я принимал это решение единолично.

С благодарностью вспоминаю о той большой помощи, которую мне оказывал недавно ушедший из жизни мой заместитель Ю. И. Кораблев. Новый для Института истории СССР человек (он пришел из Института военной истории), Юрий Иванович быстро освоился на своем месте и был хорошо принят довольно требовательным к людям институтским коллективом. Забегая вперед, считаю своим долгом сказать, что в период борьбы с новым направлением, несмотря на сильнейший нажим со стороны работников отдела науки ЦК КПСС, он не стал на путь предательства.

Не могу не поставить себе в заслугу и то, что поддержал инициативу В. Т. Пашуто о создании сектора истории древнейших государств на территории СССР, привлекая для работы в нем молодых филологов. В Госкомитете по науке и технике под это новое направление удалось тогда получить дополнительные ставки. А Л. В. Милов с помощью дирекции создал группу по использованию количественных методов в исторических исследованиях.

Не погрешу против истины, если скажу, что еще будучи секретарем партийной организации истфака МГУ, а затем директором Института истории СССР, я всегда способствовал тому, чтобы в аспирантуре или в качестве научных сотрудников оставались способные люди, независимо от их анкетных данных (наличие репрессированных или побывавших в плену родителей, национальность и т. д.). За это мне в свое время часто попадало от отдела кадров университета, но лично я игнорировал эти "ценные указания" и делал то, что считал нужным. Но вот известного историка и писателя Н. Я. Эйдельмана, представленного для зачисления в Институт академиком М. В. Нечкиной, я взять на работу не смог из-за категорического запрещения заведующего сектором исторических наук отдела науки и вузов ЦК КПСС С. С. Хромова. Сожалею об этом до сих пор, ибо "отдача" от Н. Я. Эйдельмана в институтских условиях была бы еще большей.

Но тот же С. С. Хромов и МГК КПСС не допустили отчисления из института А. М. Сеницына, хотя решение об этом было принято ученым советом института.

С конца 60-х гг. все сильнее стало ощущаться возрождение сталинизма, направляемое, бесспорно, сверху. Это не только затрудняло работу дирекции, но и грозило перечеркнуть то положительное в исторической науке, что было сделано после XX съезда КПСС. Приходилось биться против тенденциозных рецензий в партийной и научной печати на труды сотрудников института. Так, в связи с необъективной, мягко говоря, рецензией в журнале "Коммунист" на двухтомник "Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде", изданный в 1967 г. в Ленинграде к 50-летию Октябрьской революции, мне пришлось дойти до самого главного идеолога партии М. А. Суслова. Но несмотря на любезный прием, согласия на публикацию в том же журнале ответной статьи авторов двухтомника получить не удалось. Между тем этот труд во многом сохраняет свое научное значение и в наше время.

Аналогичных случаев было несколько. Помнится, будучи членом бюро Черемушкинского РК КПСС, я высказался на одном из его заседаний (1971 г.) против наложения партвызыскания на М. Я. Гефтера за "ошибки" в его статьях и редактируемых им книгах. Мотивировал это тем,

что не дело парторганов давать оценку тем или иным работам ученых, сославшись на официальный призыв партии к смелому научному поиску. Присутствовавший на заседании бюро секретарь МГК КПСС по идеологии В. Н. Ягодкин - в то время гроза для всей московской интеллигенции - все же настоял на том, что М. Я. Гефтера надо наказать, а потом устроил мне разнос. Но не убедил меня, хотя я и понимал, что моя "особая позиция" не прибавит мне авторитета в "верхах".

Павел Васильевич, перейдем к очень драматичному для Вас эпизоду, связанному с новым направлением. Скажите, как Вам через двадцать лет видится вся эта история?

Новое направление в советской исторической науке сложилось примерно в 60-х гг. и было связано с изучением социально-экономического развития России и истории российских революций 1917 г. Но для его появления, как правильно пишет В. В. Поликарпов в упоминавшейся книге "Советская историография", условия назревали уже давно. Нас, большую часть учеников А. Л. Сидорова, которые успели и сумели переосмыслить многое из того, что было написано раньше нами самими и нашими современниками (или даже до нас) по указанным вопросам, перестала удовлетворять трактовка ряда кардинальных положений отечественной истории конца XIX - начала XX в.

Во-первых, становилось все очевиднее, что наша официальная методология пронизана догматизмом и вульгарным социологизмом. Чувствовалось, что многие вопросы мы решаем вопреки исторической правде. Поэтому группа историков - Константин Николаевич Тарновский, Иосиф Фролович Гиндин (которые представляли своеобразных генераторов новых идей), Виктор Петрович Данилов, Владимир Васильевич Адамов из Свердловска (достойный человек, участник и инвалид Великой Отечественной войны, которого потом буквально затравили), Леонид Михайлович Иванов, Арон Яковлевич Аврех, Петр Георгиевич Галузо из Алма-Аты (представитель первого поколения советских ученых), Андрей Матвеевич Анфимов и я, — хотя наша связь никогда не была оформлена организационно, сочла, что настало время пересмотреть некоторые устоявшиеся представления и поискать новые подходы к решению ряда ключевых проблем отечественной истории. По своим научным взглядам к новому направлению примыкали, но, к счастью, не были в этом официально обвинены К. Ф. Шацилло и М. С. Симонова.

С чем же мы спорили и о чем писали?

Нам стало ясно, что нельзя выводить Октябрьскую революцию напрямую из зрелости русского капитализма, как мы это делали раньше (грешил этим и я, преувеличивая уровень развития российского монополистического капитализма, но потом осознал эту ошибку и публично признал ее). Мы все считали необходимым учитывать феномен многоукладности нашей экономики, наличие которой Ленин констатировал в постреволюционной, нэповской России, но которая, как нам представлялось, существовала и до 1917 г.

При этом если К. Н. Тарковского интересовало, как капиталистический уклад, господствовавший в экономике страны, воздействовал на другие уклады, переплетаясь с ними, то меня многоукладность интересовала прежде всего как фактор, порождавший ту сумму социальных противоречий, без которых нельзя понять остроту и масштабы общественно-политического кризиса, растянувшегося в России почти на 20 лет и породившего революции 1905-1907 и 1917 гг.

Изучая историю российских революций, нельзя было уйти и от проблемы соотношения стихийности и сознательности. Этот вопрос ставился в исторической науке, начиная с 1920-х гг., и решался многими правильно. Но со времени выхода "Краткого курса" истории ВКП (б) восторжествовала схема, согласно которой ни о какой стихийности в развитии событий 1917 г. говорить не приходится, ибо большевики были организаторами и вдохновителями не только Октябрьской, но и Февральской революции (что было большой натяжкой). Моя попытка на новом уровне исторических знаний вернуться к истории Февраля, полагаю, была плодотворной, поскольку она приближала науку к исторической правде. Я утверждал, что стихийные взрывы революционной борьбы свидетельствовали о глубинных корнях движения, его силе и жизненности.

Вставал и такой общий вопрос, как тип капиталистического развития России. И. Ф. Гиндин даже назвал его российско-прусским путем развития. Другие говорили о "капитализме с российским лицом". Много интересных мыслей высказал К. Н. Тарновский. Был заново поставлен и традиционный для советской историографии вопрос об уровне и путях аграрной эволюции России. Известна ленинская идея о том, что в нашей стране шла борьба между американским и прусским путями развития, но нас интересовало, какое же направление было господствующим? А. М. Анфимов высказал близкую к истине мысль о полукрепостническом харак-

тере аграрного строя России. Это вызвало взрыв негодования со стороны тех, кто считал, что капитализм победил не только в промышленности и в банковской сфере, но и в сельском хозяйстве. При этом забывали слова самого В. И. Ленина о том, что большевики преувеличивали степень развития капитализма в аграрном секторе России, и только опыт революции 1905-1907 гг. заставил их отказаться от прежних ошибочных взглядов (см.: Ленин В. И. ПСС. Т. 16. С. 268-269).

А. Я. Аврех выступил инициатором дискуссии о русском абсолютизме и его отличиях от абсолютизма на Западе. За этим вопросом вставали и более общие проблемы, связанные с ролью государства в историческом процессе, массовой социальной опорой правящего режима, механизмом эволюции государственного строя и влияющих на нее факторах и т. д.

Но, пожалуй, главным "криминалом" в деятельности нового направления была объявлена наша попытка пересмотра некоторых основополагающих моментов истории Октябрьской революции и ее предпосылок. Я, например, видел последние не в уровне развития капитализма в России (он был явно недостаточен), а в том, что страна из-за войны и разрухи, а также из-за непродуктивной политики царского и Временного правительств оказалась в безвыходном положении, на краю национальной катастрофы. Отсюда вытекал сформулированный мною вывод о том, что хотя с позиций марксизма революция является "праздником угнетенных и эксплуатируемых", на этот праздник они без крайней необходимости почему-то не спешат.

Представители нового направления поставили вопрос и об альтернативности развития российского общества. Еще в 1970 г. на Международном историческом конгрессе в Москве я выступил в секции "Ленин и история", остановившись, разумеется со ссылками на Ленина, на вопросе о том, что в России в начале XX в. существовала альтернатива: победа либо прусского, либо американского пути аграрной эволюции страны. Присутствовавшие на конгрессе историки из Академии общественных наук и Института марксизма-ленинизма сначала промолчали, а задним числом объявили, что Волобуев проповедует буржуазную теорию альтернатив. Они меня подвигли на то, что я вынужден был в дальнейшем написать книгу "Выбор путем общественно-го развития: теория, история, современность".

Мы заново рассмотрели также старый вопрос об общедемократическом потенциале Октябрьской революции, заключавшемся в борьбе за мир, землю, национальное равноправие, приобщение народа к достижениям мировой цивилизации. Поэтому до образования комбедов в 1918 г. в России существовал союз пролетариата со всем крестьянством. Этот тезис был воспринят как попытка ревизии коренных марксистских постулатов, хотя мы ссылались при этом на Ленина. Завязались споры. По согласованию с отделом науки ЦК КПСС провели в 1972 г. дискуссию, на которой противники нового направления (П. Н. Соболев, Г. В. Шарапов и др.) остались в меньшинстве. Присутствовавшему на этой дискуссии С. С. Хромову ничего не оставалось, как обругать меня за то, что я не обеспечил "должного направления дискуссии". Вообще должен сказать, что Хромов, а также Куликов и Ваганов сыграли во всей этой истории с новым направлением самую неприглядную, чтобы не сказать резче, роль, недостойную ученых.

Поскольку сторонники нового направления не хотели признавать свои "ошибки", то их сначала стали критиковать в печати, а затем в июне 1972 г. бюро Отделения истории АН СССР по инициативе академика П. Н. Пospelова - закоренелого сталиниста и догматика - не без подсказки отдела науки ЦК КПСС приняло специальное постановление с осуждением нового направления. На заседании бюро я тогда же отметил ошибочность ряда положений этого документа, но инициаторов и авторов данного решения это нисколько не смутило. Поскольку постановление бюро Отделения истории не возымело действия, как и индивидуальные проработки в отделе науки ЦК, было решено нанести по новому направлению более решительный удар. В марте 1973 г. состоялось знаменитое совещание в отделе науки ЦК, на котором новое направление было охарактеризовано как "ревизионистское". А заведующий отделом С. П. Трапезников, подводя итоги совещания, заявил, что новое направление представляет собой покушение на теоретические, программные, стратегические и тактические основы ленинизма. Я с этим, естественно, не согласился, за что меня разнесли потом в МГК КПСС в пух и прах.

Чтобы как-то "доказать", что новое направление - это отход от марксизма, прибегли к старому, испытанному приему - навешиванию ярлыков и фальсификации того, что говорили и писали его сторонники. Так, например, было сформулировано обвинение в том, что, говоря о многоукладности, мы тем самым якобы отрицаем господство капиталистического уклада в экономике России. На самом же деле многоукладность и господство капиталистического уклада не исключают друг друга, хотя первая привносит в общую картину российской экономики значительную специфику. Тем не менее это не принималось во внимание. Раз многоукладность - значит, отрицание господства капитализма, считали наши оппоненты. Эта нехитрая уловка присутствует в книге и статьях В. И. Бовыкина. До самого последнего времени ее можно найти в работах

всех, кто хотел лягнуть новое направление. Между тем, сегодня, на мой взгляд, впору задаться другим вопросом: а стал ли капитализм в России XX в. формационно-образующим укладом?

Трудно ли было отстаивать свои взгляды? Особенно с учетом того, что приходилось их маскировать?

Что я могу сказать? Мы были лишены возможности после совещания в ЦК ответить на критику в печати, а в журналах появились рецензии на наши книги о Февральской революции, пролетариате, о материалах Свердловской конференции по проблемам многоукладности. Невежественные рецензии, некомпетентные, но ни один из журналов не стал публиковать наши возражения. Такая судьба постигла и мое письмо в редакцию журнала "Вопросы истории КПСС". Несмотря на то, что я даже заручился поддержкой отдела пропаганды ЦК, письмо мне было возвращено и никогда не было опубликовано.

Таким образом, кляп был прочным. От нас требовали только одного - покаяния, а от меня - еще и кадровой чистки института, обещая взамен сохранение директорского поста. Но никто из нас не каялся, ибо мы считали себя правыми. Более того, Данилов, Тарновский и я в узком кругу, а также Аврех и Н. И. Павленко, который разделял наши взгляды, считали, что пока есть возможность, надо отстаивать и распространять наши взгляды. Я говорил прямо: "Ребята, пока я член-корреспондент и директор, будут колотить меня, но ради науки я готов принять удары на себя".

В этом "мозговом центре" мы исходили из ленинской идеи, согласно которой, чтобы закрепить завоевания буржуазно-демократической революции (фактически всякой народной революции), ее надо было продвинуть дальше, за ее естественные пределы (см.: Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 147 и др.). Применительно к нашей ситуации это означало, что нужно попытаться как можно дальше выйти за пределы официальной науки, т. е. отказаться от устаревших и догматических представлений и не дать бездарно погибнуть тому, что было нами и другими учеными сделано. Но соотношение сил было слишком неравным: на одной стороне - горстка ученых, а на другой - громадная мощь партийного аппарата. Но закономерность такова: без борьбы в исторической науке никогда не бывает прорывов на второй этаж знаний (так я выразился в выступлении на одном из институтских партсобраний, добавив, что нас, наоборот, хотя бы оттащить в подвал).

Не буду скрывать: иногда морально было очень тяжело, особенно когда от тебя отворачивались или избегали даже случайных встреч, казалось бы, порядочные люди. В такие моменты повторял запомнившееся еще на фронте стихотворение Анны Ахматовой "Мужество", ее замечательные слова:

Мы знаем, что ныне лежит на весах И что совершается ныне. Час мужества пробил на наших часах, И мужество нас не покинет.

А вот А. М. Некрич в своей книге "Отрешись от страха" (Лондон, 1979), прекрасно зная ситуацию, не совсем верно осветил некоторые факты. Кстати говоря, мне первому он сообщил, что подал документы на выезд в Израиль, имея в виду в перспективе Англию или США. Мы с ним столкнулись у его дома, когда он возвращался из ОВИРа, и долго беседовали, причем я пытался убедить его в ошибочности подобного шага. Итак, он знал всю нашу историю, и почему ему надо было вводить в заблуждение международную научную общественность, утверждая, что Волобуев и другие покаялись, мне до сих пор неясно. Думаю, что он решил остаться единственным героем. А нам тогда было не до героизма.

И после совещания в ЦК последовали оргвыводы?

Я был снят с поста директора решением ЦК КПСС, подтвержденным затем Президиумом АН СССР, как "не справившийся с работой". Хромов добивался более жесткой формулировки: "за идеологическое разложение института". Несмотря на совет вице-президента АН СССР П. Н. Федосеева, я отказался писать заявление с просьбой освободить меня от должности директора "по собственному желанию", ибо не чувствовал за собой вины. Меня перевели на должность старшего научного сотрудника в Институт истории естествознания и техники (его выбрал отдел науки, так как сам я хотел перейти на работу в Институт экономики, но меня туда не пустили). Одновременно я был по настоящему сверху освобожден от работы на истфаке МГУ, где я в качестве профессора работал на полставки, а также исключен из состава ряда ученых советов (только декан истфака МГУ профессор Ю. С. Кукушкин, проявив гражданское мужество, не подчинился этому

указанию). Добавлю к этому, что 16 лет я был невыездным. Ограничивались и, вероятно, контролировались мои встречи с иностранными учеными. Но я бы погрешил против истины, если бы не упомянул, что чувствовал и моральную поддержку ряда своих коллег, начиная с академика Б. А. Рыбакова и кончая рядовыми научными работниками, в том числе из нового для меня коллектива Института истории естествознания и техники АН СССР. Тогда это был первоклассный академический институт, где работало до десятка энциклопедически образованных людей. Кроме меня, туда были "сосланы" и другие опальные ученые, главным образом философы (В. Ж. Келле, П. П. Гайденко и другие). Как специалист по гражданской истории я оказался бесполезным для этого института. Там прекрасно знали историю науки, но многие факты, например социальные причины быстрых темпов развития биологии в пореформенной России, сотрудникам Института истории естествознания и техники были не совсем ясны. А они заключались не только в том, что в науку пришло несколько крупных ученых, но и в некоторых объективных обстоятельствах. Одно из них - пробуждение интереса к человеку через художественную литературу.

В Институте истории естествознания и техники я занимался историей русской науки с середины 90-х гг. прошлого века до 1917 г., а фактически всем пореформенным периодом. Первые два года мне было очень нелегко, так как надо было войти в новую проблематику. А когда я 16 лет спустя уходил из этого института, многие сотрудники просили меня остаться в качестве директора. Работая там, я опубликовал статьи о состоянии науки в России накануне Октябрьской революции, был одним из редакторов книги "История советской науки и техники". Мы ее подготовили к печати как раз накануне перестройки, и некоторое время спустя я откровенно сказал на ученом совете, что выпускать ее в таком виде нельзя. Пришлось отказаться от издания этого труда, хотя, с точки зрения собранного в нем фактического материала, он представляет несомненную ценность. Я собрал много материала по истории русской науки, но так и не написал запланированных очерков или монографии, о чем очень жалею. А виной тому, говоря словами поэта, было то, что "любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла...". Моя прежняя проблематика, история предреволюционной России, история революций не давала мне покоя. Я старался на первых порах работать параллельно над старыми и новыми темами. У меня были подготовлены материалы для двух книг - "Предпринимательский саботаж в России накануне Октябрьской революции" и "Двоевластие". Но, посоветовавшись с товарищами, я понял, что пока в силе те люди, которые изгнали меня из Института истории СССР, мои книги по истории революции не издадут, каким бы марксистом я себя ни объявлял. Пришлось от этого отказаться.

Еще со студенческих времен меня, как я говорил, интересовали историко-теоретические проблемы. Хотелось разобраться в закономерностях исторического процесса, логике возникновения и развития тех или иных явлений, хотя я и понимал, что определенная доля случайности сопровождала историю всегда. В исторических журналах неохотно публиковали статьи теоретического характера, тем более по вопросам истории Октябрьской революции. Приходилось печататься в "Коммунисте". Это был отнюдь не прогрессивный журнал, но там все же мои статьи публиковали. А в журнале "Вопросы философии" я еще в 1957 г. напечатал статью "Ленин о диалектике отсталости и революции в России". Тогда зарождения нового направления критики просто не заметили, и мне удалось провести положение о том, что одной из причин революции в России была не зрелость, а, наоборот, отсталость нашей страны.

Интерес к теоретическим проблемам привел меня к тому, что 1983-1984 гг. я смог написать книгу об альтернативности истории России и других стран. Эта книга - плод громадного труда - была написана с марксистских позиций. И в этом, на мой взгляд, заключалась одновременно и ее сила, и ее слабость, поскольку она страдала излишней заидеологизированностью и, может быть, известной односторонностью. Так, в ней часто цитируется Ленин. Дело в том, что для меня и других представителей нового направления, например И. Ф. Гиндина, ленинские цитаты иногда служили своего рода прикрытием собственных идей. Немало таких моментов было и в упомянутой книге, так что пришлось даже извиняться перед читателями за то, что я злоупотребляю цитированием ленинских работ. Но не забудем, что шел еще только 1987 г., а книга выходила в Политиздате. Впрочем, я и сейчас, хотя и не смотрю на Ленина как на икону, считаю его не только великим революционером и преобразователем нашей страны, центральной фигурой XX в., но и крупнейшим теоретиком марксизма, который значительно обогатил общественную мысль нашего столетия.

Что касается интереса к теории исторического процесса, то он сохраняется у меня и сейчас, но увя, я уже не поспеваю за новыми теоретическими разработками.

Разгром нового направления нанес большой вред нашей исторической науке, которая на много лет задержалась в разработке проблем многоукладности и новых подходов к истории Октябрьской революции. Сейчас в публикациях Научного совета "История революций в России" мы эти подходы развиваем. Придя в 1988 г. в Научный совет, я поставил своей целью, с одной стороны, с пози-

ций исторической правды переосмыслить историю России последней четверти XIX в. и русских революций первых двух десятилетий XX в., отказавшись от мифологем официальной советской историографии, а с другой - избежать того, чего можно было опасаться и что произошло.

Павел Васильевич, а почему именно Вы оказались во главе нового направления?

Новое направление, по сути дела, явилось предвестником переосмысления с новых, подлинно научных позиций коренных проблем отечественной истории конца XIX - начала XX в. Отделу науки ЦК КПСС нужно было доложить наверх, что в исторической науке появилось ревизионистское направление и носителями его идей являются не только доктора и кандидаты наук, но и сам директор Института истории СССР, который это направление и возглавляет. Выводы были соответствующими. В институте перетрясли структуру, ликвидировали сектор империализма. Уверен, что и А. Я. Авреху, и А. М. Анфимову, и К. Н. Тарновскому вся эта история стоила очень дорого и, несомненно, ускорила их уход из жизни. А. Я. Авреху, например, приходилось по нескольку лет добиваться издания своих книг. Я старался негласно помогать ему, привлекая своих академических знакомых. Но все это давалось с большим трудом. В конечном счете мне пришлось взять на себя редактирование и посмертное издание монографий К. Н. Тарновского, в том числе его первой, неутвержденной докторской диссертации по проблемам историографии, и двух монографий А. Я. Авреха.

Что касается А. М. Анфимова, то он работал за целый сектор. А сколько бы Андрей Матвеевич еще мог сделать, если бы не был поставлен под жесткий и мелочный контроль со стороны дирекции, особенно при А. Л. Нарочницком? К стыду нашему, его последняя книга об аграрной политике П. А. Столыпина до сих пор еще не издана.

Разгром нового направления нанес большой урон нашей исторической науке, став одной из причин ее затянувшегося кризиса. Прекратились свободные научные дискуссии, в науке утверждались зоны молчания, упал интерес к методологическим и теоретическим проблемам. Но какая же это наука, если в ней нет проблемного видения фактологического материала? К сожалению, так называемая борьба "за чистоту марксизма-ленинизма" и "за идеологическую дисциплину" велась не только "сверху". Она нашла своих сторонников среди тех, кто либо отстал от исторической науки, либо не хотел пересматривать свои односторонние взгляды. Скажем, некоторые историки, застряв на идее высокого уровня развития капитализма вообще и в крестьянском и помещичьем хозяйстве в особенности, не желали отказываться от этих ошибочных взглядов. Им было проще и выгоднее критиковать новое направление за грехи, в которых оно не было повинно, чем признать ошибочность своих концептуальных воззрений. Замечу, что все последующие попытки В. И. Бовыкина - нашего главного оппонента среди историков - как-то оправдаться и придать своей позиции respectable вид выглядят очень неубедительно, а иногда и просто смешно.

Павел Васильевич, удовлетворены ли Вы тем, что сделали в науке?

Формально я бы мог сказать словами А. С. Пушкина: "Достиг я высшей власти". Я стал действительным членом Академии наук СССР, а теперь ее правопреемницы - Российской Академии наук. Мною опубликовано более 250 научных работ, включая предисловия к документальным публикациям и рецензии. Изданы три монографии и три брошюры. Немало моих работ переведено или издано на английском, немецком, французском, испанском и финском языках. На испанском языке, в частности, издан курс лекций по истории СССР дореволюционного периода, прочитанный в Гаванском университете в конце 1964 - начале 1965 г.

Монографий у меня, конечно, мало, и я это сознаю. Можно и нужно было написать больше. Но если обратиться к такому науковедческому понятию, как индекс цитирования, показателю научной значимости трудов ученого, то должен сказать, что мои монографии: "Экономическая политика Временного правительства" (М., 1962), "Пролетариат и буржуазия России в 1917 году" (М., 1964), "Выбор путей общественного развития: теория, история, современность" (М., 1987), а также статьи последнего десятилетия до сих пор пользуются вниманием как зарубежных, так и российских историков, а также экономистов и философов. Специально я не занимался, конечно, изучением частоты цитирования моих работ, но когда просматриваю книги или статьи, близкие по проблематике к моим исследованиям, то, как правило, нахожу упоминания о своих книгах и статьях. Впрочем, я заметил, что немало наших ученых не любят ссылаться на труды своих предшественников, что не делает им чести. Добавлю к этому, что сохранили, на мой взгляд, известное научное значение и мои первые публикации 1955-1956 гг. в "Исторических записках" о нефтяных и угольных монополиях в России. Но рекордного индекса цитирования или, говоря современным языком, рейтинга я достиг в 70-х гг. Тогда "от Москвы до самых до окраин" мое имя как автора и главы нового направления склонялось, что называется, во всех падежах.

От природы я оптимист и не склонен жаловаться на свою жизнь. Она в общем и целом получилась. Но из всего сказанного видно, что моя творческая судьба складывалась порой довольно драматически. Я не всегда мог выполнить свои планы и намерения и отсюда - естественная неудовлетворенность сделанным. Некоторые говорят, что я разбрасывался, занимался не близкими мне проблемами. Такой грех у меня действительно есть. Скажем, мною написаны статьи о революции 1918 г. в Финляндии, о Генуэзской конференции 1922 г. и т. д. Но ведь все эти события так или иначе связаны с Октябрьской революцией. В конечном счете широта научных интересов, выход за пределы узкого историографического пространства, по-моему, только стимулирует труд ученого.

В последние годы Вы, наряду с научной и организационной работой, активно занимались публицистикой. Чем это было вызвано и как Вы сами оцениваете ее значение?

Действительно, в последнее бурное десятилетие, с начала перестройки я активно занялся и публицистикой. Как говорится, сам Бог велел воспользоваться открывшимися возможностями - гласностью и демократизацией общественной жизни. Сначала в центре моего внимания были вопросы исторической науки, ее кризисное состояние, поиски путей быстрее преодоления догматизма, вульгарного социологизма, конформизма. Начавшиеся в начале 90-х гг. в стране радикальные перемены заставили меня посмотреть на них глазами историка.

Особое место в моей публицистике занял югославский кризис. Сказалось два фактора. Во-первых, угрожающее развитие событий в Боснии и Герцеговине, вызванное как внутренними (обострение межнациональных отношений, переросшее в гражданскую межэтническую кровавую войну), так и внешними (вмешательство великих держав) причинами. Во-вторых, многое объясняется здесь влиянием моей жены, Людмилы Владимировны Тягуненко - ведущего югославииста, которая привлекла меня к соавторству в публицистических выступлениях. В своих статьях мы осуждали линию вытеснения России с Балкан, били тревогу в связи с продвижением туда НАТО. Надо было привлечь внимание общественности, парламента к событиям в Югославии. Частично это удалось. Отсюда общий вывод. Публицистическая деятельность является для ученого необходимым и полезным обществом занятием. Надо только при этом оставаться правдивым и честным.

Павел Васильевич, что бы Вы пожелали молодым ученым?

Мы, историки, в большом долгу перед нашим народом. Ведь за последние 70-80 лет мы нагородили немало лжи. И сейчас не так уж важно, делали ли мы это, подчиняясь политическому диктату партии, добросовестно заблуждаясь, или из корыстных побуждений. Грех остается грехом. А наш народ хочет и должен знать истинную правду об истории своего Отечества и ничего, кроме правды!

Мне кажется, что перед профессиональными историками сейчас стоят очень ответственные задачи. Историческое сознание народа усилиями средств массовой информации запутано, и люди часто просто не знают, где ложь, а где правда. Поэтому историки должны дать им прежде всего научно-обоснованные и нравственные ориентиры понимания истории. Каждое большое событие оказывает огромное воздействие на общественное сознание. Поэтому его надо правильно истолковать и донести до людей, с тем чтобы они сумели оценить свое историческое прошлое, увидеть в нем плюсы и минусы и понять, что без знания прошлого невозможно никакое будущее. Именно молодые историки должны с учетом того положительного, что сделано нашим поколением, и вместе с тем с учетом наших ошибок и промахов заниматься творческим развитием науки. Наука без творческого подхода - это не наука, а застой. Мы его однажды пережили и повторяться не следует. Надо учиться слушать и слышать друг друга, вести честную научную полемику, уважать оппонента, стремиться к постижению правды истории, а не к одним только научным чинам и званиям. Для свободного научного творчества - и это надо признать - сложились сейчас (надолго ли?) более благоприятные условия, чем те, в которых трудились мы. Так спешите же воспользоваться ими!

Интервью подготовлено В. Л. Телицыным

От редакции:

Публикацией этого интервью мы предполагали отметить 75-летний юбилей Павла Васильевича Волобуева, который родился 1 января 1923 г. Но жизнь распорядилась иначе. Вечером 22 сентября с. г. академика П. В. Волобуева не стало...

Это был прекрасный, сильный человек и талантливый ученый, воин Великой Отечественной, партийный работник, крупный организатор науки. В последние годы жизни П. В. Волобуев возглавлял Научный совет РАН "История революций в России", Международную комиссию по истории Октябрьской революции, Ассоциацию российских историков Первой мировой войны, Комиссию историков России и Финляндии. Павел Васильевич вел большую работу в Отделении истории, РАН, много и охотно помогал научной молодежи. В последние годы он проявил себя и как яркий публицист.

Главными чертами Павла Васильевича как человека и гражданина были неукротимая энергия, страстность, правдолюбие, глубокий и искренний патриотизм и интернационализм, преданность социалистическим идеалам в их самом высоком гуманистическом понимании. Его отличали необыкновенная порядочность, доброжелательность к людям, деликатность, чувство справедливости, неподдельный демократизм. Выпавшие на долю Павла Васильевича тяжелые удары не сломили и не озлобили его. Его душа осталась светлой, открытой, отзывчивой к чужому горю и несчастью.

Как ученого, П. В. Волобуева отличали аналитический склад ума, умение работать с историческими документами, способность делать крупные научные обобщения. Вместе с тем, Павел Васильевич был всегда самокритичен, видел собственные недостатки, признавал ошибки. Он никогда не цеплялся за то, что отжило свой век, скомпрометировало себя, стало на пути научного прогресса.

Научная биография П. В. Волобуева в полной мере отразила судьбу отечественной исторической науки второй половины двадцатого столетия. В ней было немало крутых поворотов, взлетов и падений. Обо всем этом Павел Васильевич без утайки рассказал в предлагаемом вниманию читателей журнала интервью, ставшем его исповедью и одновременно завещанием, хотя до последних дней жизни он был устремлен в будущее, полон творческих планов, думал не столько о себе, сколько о тех, кто был рядом с ним.

На рубеже 60-70-х гг. П. В. Волобуев, работавший тогда директором Института истории СССР, смело бросил вызов партийной номенклатуре, которая не простила ему этого бунта. Его старались унизить, поставить на колени, отлучить от любимого дела Тщетно.. Павел Васильевич выстоял, не сломался, а возглавлявшееся им новое направление в исторической науке стало предвестником ее последующей радикальной перестройки.

История Октябрьской революции, изучению которой П. В. Волобуев посвятил свою научную жизнь, — это сложнейшая, по-прежнему "горячая" и вместе с тем необыкновенно важная проблема отечественной и всемирной истории. К ней нужны сегодня новые подходы - объективные, честные, глубокие, призванные не "закрывать" тему революции, а объяснить ее истоки, ход, результаты, раскрыть механизм поведения миллионов народных масс, видевших за кровью и грязью революционного переворота контуры новой, светлой жизни, но во многом обманувшихся в своих ожиданиях. Серия научных конференций "Революция и человек", инициатором которой выступал Павел Васильевич, - попытка отражения именно этой стороны революционной действительности. Научный совет РАН "История революций в России" благодаря усилиям Павла Васильевича вышел на стабильный режим работы, свидетельством чему регулярно проводимые международные конференции, сборники статей, индивидуальные монографии по проблемам российской революционности. Сотрудники Совета намерены осуществить давнюю мечту покойного академика - издание международного ежегодника "Россия и революция".

Лучшей памятью безвременно ушедшему от нас Павлу Васильевичу Волобуеву будет продолжение его дела, его научного поиска, выход к новым исследовательским рубежам. Настоящий ученый продолжает жизнь и после своей смерти — в книгах, идеях, учениках. Хочется верить, что так будет и с научным наследием Павла Васильевича Волобуева.